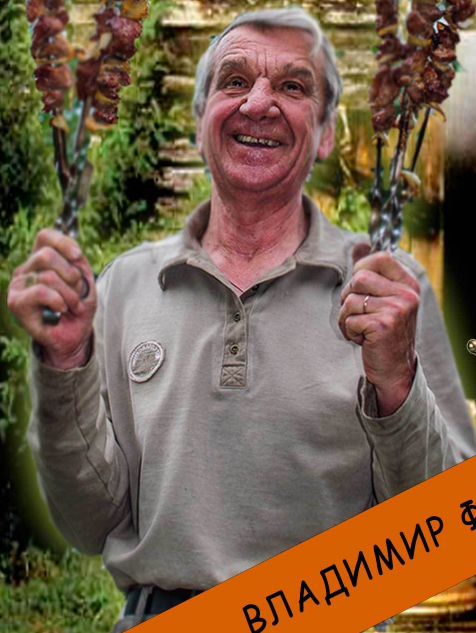

Все торчком!

ВЛАДИМИР ФРОЛОВ

Владимир Фролов

Всё торчком!

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18576564
ISBN 978-1-387-73878-6*

Аннотация

Автор этой книги – инженер, ветеран труда в атомной энергетике, многие годы работал за границей, участник ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. В многообразии его жизненного пути, интересов и наблюдений есть чередование веселого и грустного, поэтического и трагического, именно все «торчки» отношений человека в обществе. Автор – Участник российских телевизионных шоу «Что, где, когда» и «Поле чудес». Большое внимание уделено профессиональным аспектам развития ядерной энергетики и причинам катастрофы на IV-м блоке Чернобыльской АЭС и японской «Фукусима Дайичи». В книге также представлен поэтический раздел.

Содержание

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	4
РАСКРУТКА	7
ПОДЪЕМ	11
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Владимир Фролов ВСЁ ТОРЧКОМ!

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

*Здесь будет все: пережитое,
И то, чем я еще живу,
Мои страдания и устои,
И виденное наяву.*

Борис Пастернак

В 1996-м году с подачи благодарных спонсоров вышли в издательстве «ВИР» (Киев) с тиражированием в одной немецкой типографии для широкого обозрения мои автобио – и географические наброски под названием **«Всё пучком!...»**, которые до сих пор «висят» в ИНТЕРНЕТ на некоторых сайтах.

Ничуть не обольщаясь их долголетием и нисколько не занимаясь самолюбованием, мне захотелось по прошествии энного количества лет и далее поделиться с Вами своими сугубо личными взглядами на нашу действительность и в какой-то степени помочь своим жизненным опытом людям ищущим, метущимся, любознательным, любого возраста и национальности найти свою нишу в настоящем обществе и времени. И дать деловой импульс тем покладистым, вдумчивым, устроившимся или только устраивающимся в этой жизни представителям любого вида бизнеса, творчества или простым обывателям. Словом, всем тем, кто захочет прочесть прилагаемые страницы.

Поэтому настоящий сгусток моего жизненного пути является прямым продолжением и корректировок вышеуказанных набросок.

ТОРЧОК. Торчащее, выдающееся вперёд, вверх. «Толковый словарь русского языка» под ред. С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, Издательство «Азъ» 1992 г.

Вот из таких неординарных «всплесков» моей жизнедеятельности и состоит эта книжица.

Не всегда выдающихся вперед, вверх, но всегда торчащих и поэтому приковывающих внимание и оставляющих памятный след в жизни человека.

РАСКРУТКА

1994 год, июль, Киев, городской онкологический центр.

Реанимация. Тяжело пробуждаюсь от похлопывания по щекам и слышу:

– Ага, проснулся. Взгляд осмысленный, значит, сможет говорить. Подойдите к нему поближе.

Тошнотворно пахнуло застарелым, неискоренимым запахом перегара. Видно, реаниматолог постоянно перебирает. Он часто-часто моргает слезливыми глазками через очки и показывает куда-то в сторону (потом мы его прозвали «Моргунчик»). С большим усилием поворачиваю голову – мелькнула какая-то трубка: вспомнил, это же поставленный до операции дренаж через ноздрю из легких – и в плывущем сознании определилась фигура моей благоверной. Как она попала сюда? Через пару дней узнал – за бутылку «Рябины на коньяке».

Остолбеневшая от страха, с застывшим испугом на лице, неестественно пытаюсь вымучить радостную улыбку, она придвигается к моей койке и произносит:

– Вовулেক, здравствуй! Да ты неплохо выглядишь. Как ты себя чувствуешь?

Жарко. Очень и очень жарко. Вижу настежь открытые окна (это в реанимации-то!) и горячий воздух, прокатываясь по моему лицу и рукам, ничуть не остужает.

– Здравствуй, Лиля. Да все нормально, торчком... Долго это было? – спрашиваю я, а самого неотступно давит, разламывает голову вопрос: так какую же мне операцию сделали – с выводом стомы или без? Она-то, конечно, уже знает, но то она, а жить – то мне. Я же в лихорадочном неведении и у меня ничего не болит. Когда проходил обследование, врачи однозначно говорили об операции, я готов был к ней, но про ее исход отводили взгляд и глубокомысленно заявляли: Когда будем делать – определимся. Видно, черныбыльские болячки не так-то легко распознаются традиционными методами диагностики.

Непреодолимо хочется немедленно откинуть простынь и посмотреть на тело.

– Я тебе принесла минеральную воду, лимон и недостающие упаковки лекарства. Все на тумбочке, я побежала, больше не разрешают, целую, – она скрылась за корпусом реаниматолога, он морг-морг-моргнул на меня замутненным взглядом и исчез.

Непослушными руками я приспустил простынь. Какая-то марлевая нашлепка загадочно выглядывала с левой стороны низа живота. Боже мой, а дренажей-то сколько, аж шесть штук, весь в трубках, как лабораторный стенд в химическом кабинете. Ну, все, п..., доскакался, стома на месте. Меня как бы саданули чем-то в голову и я отключился.

Было также нестерпимо жарко, когда я, отошедши, различил в темноте рогатульку капельницы с двумя пузырьками

наверху. Тоненькая трубочка, словно удавка, с леденящим душу посверкиванием, змеино струилась от одного из них к катетеру на ключице. Где-то рядом с шумом лилась вроде бы в раковину вода, громко переговаривался медперсонал, хлопали двери, звонил телефон. Высоко на стенах висели неработающие кварцевые лампы.

Стало неудобно лежать, хотелось повыше подоткнуть подушку, но ее не оказалось. Неожиданно меня начал бить страшный озноб, я позвал сестру, вместо нее подошла уборщица. Она набросила на меня сначала одно, потом второе, третье одеяло. В сознании отпечатались ее непроизвольно обнажившаяся из-под халата рука с пучком следов на венах от наркотиков. «Ой, бедный, как же трясет – то его...» – сказала она и привела сестру. Та сделала укол и я, постепенно оттаяв, снова подался к Богу Морфею. Смутно помню, как меняли капельницу, снимали лишние одеяла, щупали пульс.

Утром сосед по кровати, Леша, заговорщицки стрельнув глазами по сторонам, сообщил мне, что видел, как сестра положила к себе в карман одну из упаковок моего лекарства. Лекарство было остродефицитным, дорогим, его доставали мне с поликлиник украинских атомных станций с величайшим трудом. Но была уже другая смена.

Нет, все-таки не в реанимации, а до нее, в палате, куда с тоскливым колесным поскуливанием втиснулась каталка – брать меня на операционный стол, именно тогда в бешеном ритме, с хаотическими наслоениями, обвально раскатался в

мозгах мой жизненный свиток и я решил: выживу – напишу. Напишу про свой не ахти уж какой замечательный жизненный багаж – но выговорюсь, отдохну, положу свою травинку в бесконечно наметываемый стог нашего бытия. До Чернобыля, при нем и после него.

Что я и делаю. А к медицине мы еще вернемся.

ПОДЪЕМ

Родился в 41-м, РСФСР, село Нарышкино Бековского района Пензенской области. Село как село, та же разрушенная церковь, та же пучинистая грязь на дорогах в мокроту и выюжная пыль по теплу, те же удручающие по количеству ниже скромного избы средней полосы России. Но вот про название района нашего я довольно часто, став взрослым, слышал далеко от дома такую поговорку: «Жизнь Беково – как бы это помягче выразиться – тебя сношают, а тебе некого. Вообще-то мы жили не в селе, а рядом, была такая административно-территориальная единица с неуклюжим названием эпохи индустриализации как «поселок сахзавода» – он и сейчас есть. Жили без отца, я его даже не видел – родился в августе, а он был убит в июле того же года, не сделав ни одного выстрела, разбомбили эшелон с новобранцами, едущими на войну. Слава Богу, успел оформить продаттестат. Двое малолетних детей (брату Геннадию был один год), мама, дедушка и бабушка. Сперва занимали полную трехкомнатную (по сельским меркам) квартиру, но после смерти дедушки в 1945-м нас уплотнили и в большую комнату вселили целую семью из 4-х человек.

Да, так вот сороковые – пятидесятые... Нет никакого открытия в том, что у любого человека моих лет и старше бывшего Союза при упоминании того времени непроизвольно

распахивается память того разного прошлого со своими саднящими душу картинками. Я лично помню в нашем поселке огороженный колючей проволокой барак с немецкими военнопленными и пугающим меня рельсом-колоколом, телегу барахольщика с притягивающими нас, пацанов, рыболовными крючками и серебристыми мячиками – мандаринками на резинке, громадные костры цыган в рощице возле школы с их «Лудить, паять, кастрюли-ведра чинить!», игры в металлические пуговицы и в стенку. Потом, чуть позже, ловля синиц сеткой и клеткой, рыбалка, заготовливание сухих сосновых шишек для растопки зимой, собирание коробков от спичек, выигранный в лотерею велосипед (о, это было счастье!), увлечение фотографией – у меня появился «Любитель». В конечные годы средней школы занимался в клубном детском ансамбле песни и пляски с прекрасным названием «Молодой дубок», даже был солистом. Впоследствии меня еще довольно долго, до женитьбы, тянуло на народную сцену в разных ипостасях – запевала, конферансье, чтец стихов, участник местного КВН и, наконец, агитатор-пропагандист атомной энергетики.

Мама первоначально работала в госпитале, затем, когда нужда в его надобности отпала, – в детском доме воспитательницей. Разнервничавшись в течении дня на чужих детей и приходя взвинченной домой, она порой возмещала на нас с Генкой запрещенное рукоприкладство на работе. Для этого на вешалке в первой комнате всегда висела бельевая верев-

ка. Уж не помню, часто ли мы были пороты, но зримо запомнился всегда повторяющийся по одному и тому же сценарию финал – ее слезы.

Защищала нас, как и положено, бабушка, по материнской линии, Галина Станиславовна Панкратьева (в девичестве Пекарская, дочь титулярного советника) с институтом благородных девиц за плечами при живом муже-сахарозаводчике, естественно, никогда не работавшая. Высоко грамотная, начитанная, с каллиграфическим почерком, играющая на пианино, она была полькой по национальности и постоянно подмешивала в свою речь ихнее пшеканье. После смерти мужа в 1945-м году и, значит, крушения более чем тридцатилетнего семейного единения, она постоянно начала работать сначала ученицей (это в пятьдесят-то с лишним лет!), а потом лаборанткой в химлаборатории сахарного завода, где ее Михаил Иванович в свое время был главным инженером. (Ну как же можно было прожить на 23 рубля государственной пенсии). У меня от деда сохранилась его паспортная книжка, выданная 1-го февраля 1910-го года с последней записью от июня 1919 г. и штампом «Паспорт выдан 1932» – весьма интересный документ.

В доме было оживление, когда бабушка изредка приносила с собой с завода марлевый узелок на 200–300 грамм желтого от патоки сахара в комочках с отходов при сушке – у нас они назывались «грудки». Брать большее количество и постоянно ей не позволяла совесть. Она была завсегдатаем ки-

носеансов в клубе со своим закрепленным за ней стулом, выписывала кроме «Советского экрана» газетного типа малоформатный журнал «Кино», издававшийся на русском языке аж в Паневежисе, играла в любительских спектаклях, изредка пописывала в районную газету. Пользовалась всеохватным авторитетом в поселке и даже алкаши, стрелявшие у нее довольно часто «по рубчику», завидев ее, тотчас прекращали материться и заискивающе здоровались. Помню, она рассказывала, что в начале тридцатых голодоморных годов они жили на Черкашине, Украина, и она занималась тем, что обменивала на продукты свои фамильные драгоценности. «Сначала имела дело с евреями, – говорила она, – все было нормально. Потом меня познакомили с русскими и через день после этого пришли гэпэушники с обыском и забрали все, что только можно было забрать, даже серебряный портсигар мужа с именной монограммой – подарок за хорошую работу. Только кое-что осталось, что было на ней и немного столового серебра, оно лежало вместе с другой грязной посудой. И вроде бы все тщательно переписали, и говорили, что если подтвердится, что вещи не ворованные (?), они все вернут. Возвращают до сих пор. Наверно, это воспоминание зародило во мне скрытую нелюбовь к этой многочисленной братии, хотя мы, совдеповцы, не могли, к сожалению, в подавляющем большинстве складывать свою жизнь без их участия.

Но об этом потом.

Она мне, уже ставшему где-то за двадцать пять, однажды

задала вопрос, на который я до сих пор не могу дать положительный ответ: «Ты мог бы отличить вкус чая, помешанного обычной, нержавеющей или мельхиоровой ложкой, от стакана чая с серебряной ложкой?». О том, что у нее в доме могут быть алюминиевые ложки, она и представить не могла. И подарила мне эту ложку.

Умерла она 82 лет от роду, я еле-еле вырвался на похороны, был по работе за границей, но не присутствовать на последнем ее часе на этой земле я не мог – слишком велико было (и есть!) ее влияние во мне.

(Продолжая тему старинных серебряных чайных ложек у меня в домашней утвари, скажу, что две из них в своё время я подарил на крещение внуку Гришульке и внучке Лизоньке с соответствующей гравировкой, сказав их мамочке, что чайные ложки у меня закончились, но есть ещё одна десертная и две столовых, также антикварных, с громкими именами их производителей).

Немного знал я и родителей отца – Марию Митрофановну и Евгения Егоровича Фроловых из села Колонтаевка Льговского района Курской области, мы были у них с матерью пару раз до их кончины. У них был собственный дом с садом, землей, скотиной, пасекой и многочисленная родня рядом – трое сыновей, моих дядек, со своими семьями. Наверное, я хотел бы так думать, что наш род продолжает тех Фроловых, о которых писал Александр Твардовский в поэме «Страна Муравия»:

– Мой дед родной – Мирон Фролов —
Нас, молодых, бодрей.
Шестнадцать пережил попов
И четырех царей.

И далее:

Шли, заполняя белый свет, —
Жить не при чем в семье,
Брели, – и где нас только нет,
Фроловых, на земле!

Живут в Москве и под Москвой,
В Сибири от годов.
Есть машинист, есть летчик свой,
Профессор есть Фролов.

Есть агроном, есть командир,
Писатель даже есть один.

Я не помру от скромности, если, расхрабрившись, возьму и дополню глубоко уважаемого мной и любимого Александра Трифоновича, (не выдержал прессинга совдепии, покончил с собой), следующим современным двустистишем:

И от чернобыльских оков
Есть ликвидатор – инженер Фролов.

Но вернемся к названию этой главы. В 1958 году я неплохо, с одной тройкой, окончил среднюю школу и по сокровенному желанию матери с подталкиванием от райвоенкомата поехал поступать в Высшее Военно-Морское инженерное училище в г. Пушкин, Ленинградской области. Перед этой серьезной поездкой я побывал в Пензе, областном центре, где мне сделали первую в жизни операцию – вырезали железы, говоря, что без этого я не пройду военную медицинскую комиссию. Операция была первая, но далеко не единственная, как оказалось, впоследствии жизни. Возвращался оттуда на жутко мотылявшемся в воздухе кукурузнике. Меня, еще с незажившим горлом, с температурой, вывернуло наизнанку, я шел потом, спотыкаясь, наискосок заросшего по колено полевого аэродрома и как только мог клял и того заезжего каперанга-наборщика, что склонил мою мать к принятому решению, когда выступал в школе, и райвоенкомат, и себя, и все на свете – ведь я вдобавок при этом не попал в школу на последний звонок! А через 2–3 дня я уже катил бесплатно в составе областной группы – раньше так было – на сдачу экзаменов в очень престижное по тем временам заведение. Какого-то срока на бдения по детству и прихождения в себя жизнь не выделяла. Все нормально, торчком!

До сих пор удивляюсь, как я, окончивший, будем говорить, ниже разрядную среднюю школу в забытом Богом поселке, смог с первого заезда – в группе были по второму,

третьему заезду – сдать вступительные экзамены по шести (!) предметам. Конкурс был что-то около 4–5 человек на место, меня приняли.

Откровенно говоря, я лично не хотел быть военным, но эта тягомотно довлеющая нужда в семье с материнским практицизмом вывести меня в люди за счет полного государственного обеспечения навсегда отсекла юношескую мечту стать археологом. Что ж, наверное, это было правильным тогда, но все равно меня хватило быть военным только на два года. И поспособствовало моему превращению в студенты весьма странное стечение обстоятельств (как я думал – до поры до времени).

Дело в том, что по весне 1960 года вышел закон о новом, значительном сокращении Вооруженных Сил СССР на 1 млн. 200 тыс. чел. И где-то в апреле нам, второкурсникам, объявили, что кто желает быть уволенным после окончания курса, просьба подавать рапорты. Таковых оказалось вместе со мной половина курса. Мы сдали экзамены и тут началось что-то непонятное – нас ни на практику не отправляли, ни отпускали в отпуск, ни сообщали решения по рапортам. Это зависание длилось уже вторую неделю, когда я, возвращаясь с волейбольной площадки, наткнулся на командира роты и начальника факультета, который арестовал меня на 5 суток за нарушение формы одежды – я был без гюйса, в кедах и без бескозырки (у меня до сих пор хранится «Записка об аресте»). И сопроводили меня на гарнизонную гауптвахту, где

я был в разряде тех, которым надлежало «горячую пищу давать ежедневно», как было указано в «Записке».

После отбытия положенного пожилой мичман-сверхсрочник, фронтовик, вновь привел меня в училище и – о, ужас! – я в своей роте никого не обнаружил, даже дневального. Наконец появился какой-то старшина, не наш, он объяснил мне, что никакого увольнения не состоялось, все уехали на практику. «А тебе немедленно приказано по форме № 1 явиться к начальнику училища», сказал он. Я немного струхнул, но делать нечего, начистил асидолом якорьки, бляху, прогладилсЯ и подался на «чистую половину», я там был раньше несколько раз в карауле у знамени. Начальник училища контр-адмирал Степанов спросил, не передумал ли я о своем рапорте и, получив утвердительный ответ, вручил мне заклеенный пакет в военкомат по месту жительства, другие бумаги по обучению и расчету и, пожелав счастливого пути, отпустил на все четыре стороны. Через полчаса меня уже не было на территории училища, и я сидел в электричке на Ленинград. Затем Москва, сдача документов в приемочную комиссию энергетического института и, наконец, я дома, уже не курсант, но еще и не студент, решение – на какой курс меня зачислить – должно было быть принято к 1 сентября и сообщено мне письмом-вызовом на учебу (была середина июня 1960-го года).

Очень важное и необходимое здесь отступление

Только по прошествии семи лет я, уже работая после окончания института, будучи в командировке под Ленинградом, заехал в училище, разыскал своего бывшего командира роты каптри Васинкина Ивана Васильевича и узнал от него всю правду тех событий. Оказывается, все было сделано чисто по-советски. Тех парней, которые подавали рапорты на увольнение, после прохождения практики принудили перевестись на факультет атомных подводных лодок в так называемую «Дзержинку», училище под шпилем Адмиралтейства. Так сказать, отделить смуту. И ни о каком увольнении речи уже не шло, видно кто-то там, наверху, спохватился и решил, что зачем же увольнять 19 – 20-ти летних «зашытников» – добровольцев, принявших присягу и тем самым 100 %-ных будущих офицеров. А вот чтобы подумать об этом хотя бы двумя – тремя месяцами раньше и не травмировать молодые души своими топорными решениями, «тямы» не хватило.

– А тебя, как уж слишком рвавшегося из тельняшки, – рассказал Иван Васильевич, – я подстроил арестовать, чтобы ты выпал из общего потока. Сам понимаешь, зачем руководству училища были лишние хлопоты отправлять тебя одного догонять корабль, который в море? Тем более, что под рукой лежит твой рапорт. Я так и подсказал начальнику факульте-

та, усек?

Я вспомнил тот закрепленный за училищем эсминец «Громкий», из Кронштадта, корабль цели, постоянно таскавший за собой на тросах конструкции для стрельб; я был на нем на практике один месяц после первого курса, трюмным, с вахтами через четыре часа по четыре, с непрекращающимися тревогами, где страшно простудился и приехал домой на каникулы весь в фурункулах. Как же я был благодарен этому лысоватому, с приволакивающим ногу после ранения практику – педагогу за его незавидный труд восстановления пошатнувшейся веры в Отечество у обманутых курсантов! И позднее, когда мне приходилось крайне туго по жратве и деньгам в студенческие годы, я ни разу не пожалел о случившемся и только теплые чувства признательности остались во мне от впоследствии рассказанного им...

(На эсминце «Громкий» в возрасте 15-ти лет, после окончания училища на Соловках, служил в 1943-м году рулевым-сигнальщиком знаменитый российский писатель-маринист Валентин Пикуль. «До сих пор вижу, как в разгневанном океане, кувыркаясь в мыльной пене штормов, точно и решительно идут строем пеленга корабли нашего славного дивизиона: «Гремящий», «Грозный» и «Громкий»...» Ему было всего лишь шестнадцать, когда он стал командиром боевого поста: боевой номер – БП-2, БЧ-1. В 1960-м году эсминец «Громкий» был списан с ВМС России и передан на металлолом).

Будучи дома, надо было думать о предстоящем студенческом житье-бытье, и я устроился до сентября работать в совхоз разнорабочим. Возил корма, бетонил устройства для механической уборки скотных дворов, заготавливал стройматериалы.

Из института я получил уведомление о зачислении меня на второй курс теплоэнергетического факультета. Почему второй, а не третий, размышлял я, направившись по прибытии в Москву в деканат факультета. И здесь я познакомился с весьма пожилой прокуренной женщиной, Ревеккой Соломоновной Френкель, как говорили, бывшим секретарем Дзержинского. Она объяснила мне, что, во-первых, по сравнению с институтской училищная программа несколько занижена, мне придется досдать пару зачетов, а, во-вторых, у них такая практика адаптации бывших курсантов, которых заставляли учиться, к вольного полета студентам. «Впрочем, уважаемый коллега, – сказала она, – Вы можете заниматься на третьем курсе, но по приказу будете числиться на втором и если сдадите сессию без доек, переведем Вас официально на третий курс со второго семестр. Желаю удачи!».

И надо же было так случиться, что на первом же экзамене по физической химии я получил двойку. Это была первая и единственная в моей жизни двойка, но в какой ответственный момент! Я как нашкодивший кутенок с побитым задом поплелся в деканат доложить о своем провале, но Ревекка Соломоновна, слегка иронически взглянув на меня, дымнув

«Беломориной», великодушно разрешила сдавать другие экзамены с последующей пересдачей первого. Дальше все, слава Богу, было благополучно, я сдал что положено, пересдал в начавшиеся каникулы первый экзамен, был переведен на третий курс, но... без стипендии. Своим домашним я об этом не сказал, решив, что проживу как-нибудь. Все нормально, торчком!

И действительно, прожил и проучился я этот «черный» семестр именно «как-нибудь», далее до окончания института я получал стипендию. Работал слесарем в автобусном парке в ночные смены, разносил вечернюю почту, разгружал вагоны на Москве-товарной.

На дворе началось просветленное время начала шестидесятых годов, время «Оттепели» Эренбурга, Солженицынских «Один день Ивана Денисовича» и «Матренин двор», туго набитых залов и стадионов при проведении поэтических вечеров и мгновенного расхватывания сборников Окуджавы, Евтушенко, Вознесенского, Рождественского, Ахмадулиной, журналов «Юность» и «Новый мир» с Аксеновым, Гладилиным, Казаковым, Трифоновым, Беловым, Быковым и другими одаренными личностями. Меня тоже напрочь захватила эта пора, и я, будучи членом совета дома культуры своего института и имея соответствующее удостоверение, правдами и неправдами, «на халяву», прорывался на встречи с поэтами, писателями, артистами в разных концах города. Однажды ко мне в руки попала машинописная

копия самиздатовского Евтушенко «Примечания к автобиографии», где очень впечатляюще была описана смерть и похороны Сталина (потом это вошло в его «Ягодные места», но гораздо-гораздо позже, в 1981-м) и между делом приводилась какая-то перепалка «с поэтом «К». Меня заинтересовал этот загадочный поэт. И как-то в страшной давке, протискиваясь за автографом, я спросил его: «Евгений Александрович, а кто этот поэт К. в ваших «Примечаниях...»? «А, – безразлично отмахнулся он, – «Есть такой маленький поэт, Котов, – он черкнул мне в записной книжке свой «Евг. Евт.» и тут же был атакован другим, страждущим соприкосновения со знаменитостью студентом. Когда я уже начал работать, где-то через пяток лет, я попытался вытащить его сначала письмом-приглашением, а потом и телефонными звонками по адресам Кутузовского проспекта и Переделкино на встречу с нашим коллективом, но профсоюз устранился запрошенной им суммы.

(С 1991-го года Евтушенко Е. А. проживает в США, но всегда, когда я узнаю из СМИ о его приезде для выступлений в России или Украине, я интересуюсь его творчеством. Как-то увидел на одной из фотографий на его рабочем столе громадный тяжеленный фолиант «Весь Евтушенко» – издательство СЛОВО/SLOVO, 2007, Москва. Подумал: неужели он с такой «гирей» ездит по странам и континентам?).

С Беллой Ахатовной Ахмадулиной меня познакомил поэт Игорь Ринк, руководивший литобъединением при доме

культуры нашего института, часто печатавшийся в «Комсомольской правде». Знакомство было мимолетным, но для меня надолго отложился в памяти ее наполненный импульсивный голос, срывающийся от избытка самовыражения:

И снова, как огни мартенов,
Огни грозы над головой.
Так кто ж там победил – Мартынов
Иль Лермонтов в дуэли той?

Понадобилось следующее десятилетие, чтобы я понял истинный смысл этой строфы...

Чтобы закончить тему моей «эпохальной причастности» к громким именам, забегаю вперед, скажу, что Роберта Рождественского, Михаила Шолохова, Олжаса Сулейменова, Василия Аксенова, Ларису Васильеву я фотографировал на IV съезде писателей в 1967 году, куда втиснулся по пригласительному билету на пару дней по авантюрному альянсу с ЦК комсомола. Пытался я тогда же отснять и Леонида Ильича Брежнева, величаво шедшего на трибуну в день закрытия съезда, но из оравы фотокорреспондентов, ринувшихся к авансцене, меня выдернул некий субъект в штатском, как пишут, который вывел меня из зала, заставил предъявить документы и начальственно буркнул: «Если еще раз попытаешься, заберу аппарат». «У, козел», – мысленно разрядился я и подался на галерку.

Пробовал я в те времена и сам что-то «стихотворить», но,

наверное, вовремя понял, что для серьезного творчества нет у меня искры божьей, знаний и всепоглощающего горения, без которых оно немислимо. Однако, рискну привести здесь одно из немногих своих начинаний:

Ночевать под замасленной боженкой,
В неожиданной теплой избе,
Укрываться прадедовским коухом,
Слушать ходики в четкой игре.
Незнакомым хозяевам, радуясь,
Говорить про поездку, ворча,
И отведать цветного, как радуга,
По-крестьянски густого борща.
Утром радио выслушать кротко
И урывками – взгляд на зарю —
Колыхнуть умывальника кнопку
Да садиться поспешно за руль.
Покатить по шумливым дорогам,
По задумчивым, тихим полям,
Чтоб заботы России – потрогать,
Чтоб печали России – понять.

Оно было напечатано в одной из районных газет, но последняя строчка неизвестным мне редактором была переименована: «Чтобы взлеты России – понять». Да, ведь я же совсем запамятовал – мы только и делали, что «взлетали...».

(С годам я периодически возвращался на поэтический настрой и даже на сайте stihi.ru завёл свою страничку. Послед-

ний раздел этой публикации содержит мои стихи).

Общежитейская студенческая жизнь с учетом постоянно-го безденежья подсказала нам организовать для продовольственной повседневности фирму «ФИШ» – Фролов, Иссопов, Шевчик (где вы сейчас, мужики?). Мы варили «змеиный» супчик из дешевой колбаски, картошки и лучка, обильно кипятили чай и гонялись за колбасным сыром и селедкой – они тогда довольно дешево стоили. Было бы несправедливо не упомянуть о том, что временами на нашем «этажном» ужине появлялись «Портвейн», сало, таранка, пиво и самогон-первач от щедрот сельских «ломоносовых». Я как-то после очередного «бомонда» написал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.